

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

А. Б. Елисеев

Минск

Историография взаимоотношений Русской православной церкви и Советского государства (1943–1953 гг.)

5 сентября 1943 г. газета «Известия» поместила официальное сообщение, очевидно, немало удивившее советских граждан. Вот что в нем говорилось:

«4 сентября с. г. у председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и Экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода.

Глава Правительства тов. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что сто стороны Правительства не будет к этому препятствий»¹.

Эта встреча открыла новый этап в истории Русской православной церкви (Московского Патриархата) в СССР, который современные историки называют «новым государственно-церковным курсом»², «золотым» десятилетием³, «временным перемирием»⁴, временем «религиозного возрождения в России»⁵. По продолжительности этот этап совпадает с последним десятилетием жизни И. В. Сталина, хотя его внутреннее содержание не является однородным и имеет свои особенности, о чем еще будет сказано ниже. Тем не менее, именно после смерти Сталина начинается общее свертывание сформировавшихся за десять лет государственно-церковных отношений, и следующий этап в истории СССР — «оттепель» — станет временем новых испытаний для РПЦ.

Исследование взаимоотношений православной церкви и государства в истории России и СССР является одним из наиболее актуальных задач современной российской историографии. За последние двадцать лет — начиная с празднования тысячелетия крещения Руси в 1988 г. — в этой области без преувеличения был совершен прорыв. С этого времени, по словам известного российского архивиста З. П. Иноземцевой, история Русской православной церкви «сформировалась в одно из наиболее приоритетных исследовательских направлений, имеющих исключительно широкий и сложный круг задач: от восстановления неизвестных страниц истории до стремления постичь “цивилизационный код” народной жизни России...»⁶.

По-иному обстояли дела в предшествующий период, когда изучение истории православной церкви попадало в прямую зависимость от задач антирелигиозной

пропаганды и атеистического воспитания и необходимости разоблачения «буржуазных фальсификаторов». Как правило, советские исследователи брались за тематику государственно-церковных отношений в СССР с целью «дать отповедь» клерикальным и иным «клеветникам», а не научного исследования этих отношений. Именно так определял задачи своих работ, неоднократно выходявших в 1970–1980-х гг., председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР В. А. Куроедов. Однако следует иметь в виду, что не вся советская историография была антирелигиозной и атеистической, ибо, поскольку продолжал существовать институт Русской православной церкви, постольку продолжала существовать и история, культивируемая в стенах этого института — церковная история, где исследователем и интерпретатором событий прошлого выступал не профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, а профессор Духовной академии, к тому же нередко обладавший церковным саном.

В советской атеистической историографии в отношении науки, изучающей вопросы религии, встречаются два термина — «религиоведение» и «научный атеизм». Известный советский историк религий Востока Л. С. Васильев подчеркивал, что религиоведение следует отличать от атеизма. Цель религиоведения — проанализировать всю совокупность проблем происхождения, сущности и функций религии, ее места в обществе, истории, культуре, ее объективной роли в течение тысячелетий и в современном мире⁷. При этом отличительной чертой советского религиоведения являлся его выраженный атеистический характер. Видный советский религиовед С. И. Токарев отмечал, что практическая задача советского религиоведения состоит в объяснении сущности религии как опиума народа и орудия духовного угнетения. С этой точки зрения «изучение истории религии неотделимо от задач атеистической пропаганды, от задач борьбы с религией»⁸. Д. М. Угринович называл марксистское религиоведение органической частью научного атеизма⁹. Научный, или марксистско-ленинский атеизм определялся как высшая стадия атеизма, коренным образом отличная от всех других атеистических взглядов, как строго научное учение, возникшее с появлением диалектического и исторического материализма¹⁰. Предметом научного атеизма являлось выяснение социальных корней, причин возникновения и существования религии, критика религиозных вероучений, выявление социальной роли религии в обществе, определение путей преодоления религиозных предрассудков. Борьба с религией ставилась в прямую связь с задачами социального и духовного раскрепощения трудящихся. С точки зрения решения этих задач изучалась история религии и собственно история Русской православной церкви.

Методологическим принципом, «путеводным указанием», как выразился известный советский историк религии И. А. Крывелев, советским исследователям служила рекомендация В. И. Ленина писать книги «по истории религии и *против всякой религии*»¹¹. При этом И. А. Крывелев подчеркивал, что писать «против всякой религии» не означает тенденциозного или одностороннего подхода к подбору и интерпретации фактов. «Само объективное освещение историко-религиозных проблем, — утверждал автор, — ведет к раскрытию тех сторон религии, которые характеризуют ее как опиум народа, как реакционную идеологию, направленную против человека и человечества»¹².

Значительное место в научно-атеистических исследованиях отводилось изучению истории Русской православной церкви после Октябрьской революции. По

сравнению с другими религиозными объединениями, Русской православной церкви был, несомненно, отдан приоритет. Объяснялось это тем, что православная церковь представляет наиболее типичный случай, позволяющий выявить особенности эволюции религии и церкви в условиях социализма¹³. В свою очередь, научный анализ этих особенностей определял актуальность исследования: во-первых, его теоретическую значимость, позволяющую выяснить важнейшие тенденции процесса эволюции и прогнозировать перспективы его дальнейшего развития, и, во-вторых, практическую — для правильной ориентации научно-атеистической пропаганды и повышения ее эффективности¹⁴.

Интересующий нас период — последних лет Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет — характеризовался советскими учеными как время окончательной «нормализации» отношений Советского государства и Русской православной церкви¹⁵. При этом подчеркивалось, что лояльность православного духовенства не обуславливает каких-либо изменений в содержании религиозной идеологии. Характер произошедших трансформаций, как в самой церкви, так и в отношении партии и государства к ней, А. А. Круглов определил так: «... Если раньше церковь была политическим и идейным противником, то теперь она является, как правило, только идейным, причем открытым, легально существующим нашим противником»¹⁶.

Среди проблем государственно-церковных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны, на которых было сосредоточено внимание советских исследователей, на первое место выступал вопрос о причинах, побудивших Русскую православную церковь занять патриотическую позицию в годы Великой Отечественной войны. По мнению Д. И. Сидорова и В. Е. Ладоренко, сама по себе религия не содержит ничего, что могло бы поднять человека на самоотверженную борьбу с иноземными захватчиками. Следовательно, патриотизм верующих советских граждан в годы Великой Отечественной войны проявился не благодаря религии, а вопреки ей, под воздействием коммунистических идей¹⁷.

Ряд авторов, например, А. И. Барменков и Ф. М. Придувалов, считали, что патриотический курс церкви в годы войны не мог быть иным, так как основная масса верующих уже твердо стояла на почве поддержки советской власти и активно включилась в строительство нового общества. Какая-либо другая позиция церкви просто-напросто лишила бы ее доверия верующих, что означало бы немедленную изоляцию церкви и ее крах¹⁸. Вместе с тем А. И. Барменков добавлял, что Советскому государству «не было безразлично поведение духовенства во время войны»¹⁹. В целом советские исследователи позитивно оценивали практическую работу Русской православной церкви по мобилизации своих ресурсов на защиту страны, а также пропаганду мира в послевоенное время. Эти заслуги связывались именно с гражданской, деятельностью РПЦ, а не религиозной. Д. И. Сидоров подчеркивал, что Патриарх Алексей, митрополит Николай и другие деятели церкви, удостоенные в военные и послевоенные годы правительственных наград, получили их «не за совершение религиозных обрядов, а за активное участие в защите Родины в период войны, за активную деятельность в борьбе за мир в послевоенный период»²⁰.

Вслед за описанием патриотической деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны в советской атеистической историографии шло описание предательской роли православного духовенства на оккупированной территории

Советского Союза. При этом подчеркивалось, что церковь пытается замолчать измену многих служителей культа в годы войны и факты их сотрудничества с фашистами²¹. Однако В. Е. Титов, например, отмечал, что справедливость требует все же сказать, что «рядовое духовенство на оккупированной территории нередко сотрудничало с партизанами, укрывало мирных жителей от репрессий гитлеровцев... В основной своей массе духовенство либо оказалось нейтральным, либо тайно сочувствовало освободительной войне своего народа»²².

Практическая помощь, которую оказывала Русская православная церковь в годы войны, встреча церковных иерархов с И. В. Сталиным в сентябре 1943 г., создание Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР, церковные соборы 1943 и 1945 гг., избравшие патриархами Сергия и Алексия, оценивались в советской атеистической историографии как мероприятия, приведшие к окончательной нормализации отношений государства и церкви. «В становлении и развитии нового церковно-политического курса, — писал директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС П. К. Курочкин, — нашла свое отражение поддержка верующими Советского государства»²³. По мнению Курочкина, новый церковно-политический курс укрепился и в послевоенный период, а его проводником выступило руководство Московской патриархии во главе с Патриархом Алексием.

Митрополит Ленинградский Алексий, ставший после смерти Патриарха Сергия Местоблюстителем Патриаршего престола, был избран тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси на Поместном Соборе Русской православной церкви, который проходил с 31 января по 2 февраля 1945 г. В атеистической советской историографии значение этого Собора определялось его «решающим» вкладом в дальнейшую эволюцию церкви, ее приспособлению к условиям социалистической действительности: «Учитывая настроения верующих, — писал А. И. Барменков, — церковь открыто осудила империализм, положительно оценила успех социалистического строительства в СССР, заявила о поддержке освободительного движения угнетенных империализмом народов... Собор дал отпор клеветническим измышлениям о гонениях на церковь в СССР»²⁴.

Разумеется, несмотря на стабилизацию и расширение деятельности в 1943–1953 гг., Русская православная церковь оставалась «глубоко чужеродным элементом». Это необходимо подчеркивали все советские исследователи-атеисты, равно как и то, что лояльность духовенства не означает, что религиозная идеология стала иной по содержанию. Отвечая на зарубежную критику церковной политики советского государства, которое превратило церковь в своего «послушного слугу», П. К. Курочкин не без пафоса утверждал, что социалистическому государству не нужна «своя советская церковь»²⁵. Успехи в борьбе с религией рассматривались как неперемное условие успешного продвижения к коммунизму.

Церковной историографии в СССР фактически не было весь межвоенный период — самое трагическое время в истории Русской православной церкви XX века. И лишь война и послевоенные годы, вернувшие церкви с открытием духовных академий и семинарий возможность подготовки кадров, способствовали возрождению и церковной историографии. Разумеется, как самостоятельный жанр, хотя бы отдаленно подобный тому, который развивался в дореволюционное время, она не существовала. Вслед за лояльностью церкви к Советскому государству, лояльной была и церковная историография.

Все церковные исследователи единодушно подчеркивали, что настоящую свободу и самостоятельность Русская православная церковь приобрела только после отделения от государства в 1918 г. Нормализация отношений между церковью и Советским государством рассматривалась ими как главная заслуга Патриарха Сергия²⁶. В отличие от атеистических авторов, советские церковные исследователи не допускали сомнений, что путь патриотического служения церкви в годы Великой Отечественной войны был искренним и единственно возможным. Н. Заболоцкий, например, писал: «Дело революции — дело родной страны и родного народа, оно — дело членов Православной Церкви. Поэтому, когда советский народ защищал в Великой Отечественной войне завоевания Октября, православные граждане внесли в общенародное дело свою долю единодушия, трудового и воинского героизма»²⁷.

Значительное внимание в церковной историографии уделялось международной деятельности РПЦ по установлению контактов с поместными православными церквями и другими религиозными объединениями, работе по воссоединению с русской церковью зарубежных православных приходов, миротворческой деятельности церкви. В рамках этого блока вопросов была впервые затронута проблема взаимоотношений Русской православной церкви с Ватиканом в военные и послевоенные годы.

Противостояние с Ватиканом являлось одним из важных направлений внешнеполитической деятельности Советского государства с привлечением Русской православной церкви. В советской литературе того времени Ватикан изображался самыми темными красками. Разоблачительная оценка давалась и его позиции в годы Второй мировой войны. Известный советский историк католицизма М. М. Шейнман писал, что «нейтральный» и «не заинтересованный в земных делах» Ватикан имел целью спасение фашистских режимов, стремился расколоть лагерь союзников, сеял подозрения против Советского Союза, «чтобы образовать единый фронт капиталистических держав против СССР»²⁸. Из общего потока обвинений в адрес Ватикана не выбивались и церковные авторы. «Есть какая-то внутренняя закономерность в том, что Ватикан пытался... взять под свою защиту гитлеровскую Германию, чтобы оградить ее от ответственности за войну и ее последствия», — писал А. В. Ведерников²⁹.

Конфронтация между Советским Союзом и Ватиканом самым тяжелым образом сказалась на судьбе греко-католической (униатской) церкви Западной Украины. По справедливому замечанию современного российского историка О. Ю. Васильевой, здесь «внешнеполитические интересы власти наложились на исторически существующие проблемы между православием и католицизмом»³⁰. Судьба греко-католической церкви в Западной Украине оказалась теснейшим образом связана именно с этими противоречиями. Собор греко-католической церкви Западной Украины, состоявшийся 8–10 марта 1946 г. в г. Львове постановил отменить решения Брестского собора 1596 г., ликвидировать унию, порвать с Ватиканом и возвратиться к православной вере и Русской православной церкви.

Советская историография, включая церковную, раскрывала деяния Собора как добровольный шаг, инициированный самими униатами. «Ликвидация Брестской унии была праздником для Русской Православной Церкви», этим ликвидировалась давняя «акция Ватикана против Православия», — писал А. В. Ведерников³¹. Г. Троицкий отмечал, что некогда «отторгнутое насильно было возвращено

с любовью»³². «Торжеством русского Православия» называл воссоединение М. Добрынин³³. О том, что греко-католическая церковь была ликвидирована в ходе реализации специального плана Совета по делам Русской православной церкви, в советской литературе стали писать только в конце 1980-х гг.

В 1988 г. в США в издательстве Русской православной церкви за границей вышло трехтомное исследование бывшего витебского священника Владимира Русака «Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе». В. Русак охарактеризовал упразднение греко-католической церкви как одну из самых постыдных страниц в истории Русской православной церкви, в которой непосредственное участие принимал Патриарх Московский и всея Руси Алексий³⁴. Автор подчеркивал, что инициатива ликвидации унии исходила от И. В. Сталина и была осуществлена руками РПЦ, во Львове созвали «подтасованный собор»³⁵.

Столь критическая оценка отражала позицию значительного числа эмигрантов и, в частности, Русской православной церкви за границей. Великая Отечественная война существенным образом повлияла на взаимоотношения внутри русской эмиграции. Нападение гитлеровской Германии на СССР разделило русских эмигрантов на «оборонцев», выступивших против Германии и искренне приветствовавших успехи Красной Армии, и «пораженцев», которые возлагали на Гитлера надежды на освобождение России от большевиков. В числе последних, особенно на первоначальном этапе войны, оказались многие представители РПЦЗ. Негативно восприняли они и изменения во взаимоотношениях между Московским Патриархатом и Советским государством.

Избрание 8 сентября 1943 г. митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси, как известно, вызвало негативную реакцию у руководящих деятелей нацистской Германии. Геббельс сказал по этому поводу: «Что касается новых импровизированных митрополитов, то по всей видимости здесь речь идет не о чем ином, как о переодетых рабочих»³⁶.

14 сентября о непризнании выборов Патриарха заявил глава Русской православной церкви за границей митрополит Анастасий (Грибановский), а в октябре Архиерейское совещание РПЦЗ в г. Вене приняло специальную резолюцию о неканоничности этих выборов. В ней подчеркивалось, что Патриарх Сергей лишь игрушка в руках Сталина, а его избрание — это политический шаг коммунистической власти и Сталина в условиях войны, необходимый им для пропаганды³⁷. В свою очередь для пропаганды собирался использовать эту резолюцию и германский МИД. Как подчеркивалось в одном из его документов еще до принятия резолюции, она «могла дать в руки службе германской зарубежной информации ценный пропагандистский материал»³⁸.

В последующие годы на решениях венского совещания базировались те оценки, которые давались Патриарху Сергию в историографии РПЦЗ. В исторической справке, посвященной русскому православию в Северной Америке, говорилось, что избрание Патриарха в Москве носило «политический характер», а сам Сергей до конца жизни оставался исполнителем заданий Сталина³⁹. Участник венского совещания, протопресвитер Георгий Граббе (с 1981 г. — епископ Вашингтонский и Флоридский Григорий), позднее в своей работе «Русская Церковь перед лицом господствующего зла» писал, что Сергей добился избрания на высший церковный пост, «устраняя со своего пути тех епископов, которые не были готовы оказывать

полное послушание атеистическому правительству», и что он, как «поставленный» советской властью, был «не Патриархом, а лжепатриархом»⁴⁰.

Не менее резких характеристик заслужил в историографии РПЦЗ и преемник Сергия Патриарх Алексей. О непризнании его Патриархом писал в своей книге «Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей» протопресвитер Михаил Польский, бежавший из СССР в 1930-е гг. и принятый в юрисдикцию РПЦЗ. Польский отмечал, что на Поместный Собор 1945 г. «по препятствию насилия, учиняемого гражданской властью», прибыли не все епископы, а значит, Алексей не может быть признан «законным и полномочным возглавителем Церкви в качестве Патриарха Всероссийского»⁴¹.

Книга М. Польского имела целью доказать каноничность Русской православной церкви за границей и неканоничность Московской Патриархии после Декларации митрополита Сергия 1927 г. Благодаря своему острополемическому характеру, она не могла остаться незамеченной в среде церковных историков и канонистов. Ответ на нее последовал в 1960 г. изданием в Париже работы профессора канонического права С. В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского “Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей”».

Начиная разбор книги М. Польского, С. В. Троицкий подчеркнул, что она «является самой подробной апологией Карловацкого раскола, пользуется у карловчан-“анастасиевцев” большим авторитетом, как своего рода их “символическая книга”»⁴². Троицкий подробно и критически проанализировал ее содержание. Он опроверг утверждения о неканоничности Соборов 1943 и 1945 гг., избравших Патриархами Сергия и Алексея. Осторожно затронул Троицкий и вопрос о взаимоотношениях РПЦ и Советского государства: «...Советская власть состоит из людей и к ней применимо древнее римское изречение: “времена меняются и мы меняемся в них”. Советская власть управляет Русским Государством уже более сорока лет и за это время менялись носители этой власти, менялось и отношение их к Православной Церкви»⁴³.

Как канонист, С. В. Троицкий пользовался в православной среде высоким авторитетом. Его книга «О неправде Карловацкого раскола» получила широкое распространение и популярность, что вызвало обеспокоенность в среде Русской православной церкви за границей. По поводу этой книги Архиерейский Синод РПЦЗ принял специальный Указ, в котором подчеркивалось, что книга Троицкого является «одним из способов посеять смуту в умах верных чад Русской Зарубежной Церкви, рассеянных по всему миру, и разрушить русскую церковную организацию за границей, подчинив всех русских людей Московской Патриархии», а потому необходимо «разоблачить ее, сказать для всеобщего сведения слово правды о Русской Православной Церкви на Родине и за рубежом, и обличить неправду профессора С. В. Троицкого»⁴⁴.

Эту работу выполнил протопресвитер Георгий Граббе, издавший в 1961 г. книгу «Правда о Церкви на родине и за рубежом: По поводу кн. С. В. Троицкого “О неправде Карловацкого раскола”». Через тридцать лет, в 1992 г., Граббе писал по этому поводу: «Сам я не раз бывал с ним не согласен и полемизировал с ним в печати и при встречах, но всегда отдавал должное его редкой эрудиции. Признаюсь, что будучи с ним близко знаком много лет, я с трудом исполнял долг, критикуя его книжку, выпущенную против нашей Церкви, которую он, находясь

в коммунистической стране, писал под давлением страха прямо против своих убеждений, им ранее высказываемых. Мне во многих случаях надо было опровергать его нападки его же собственными словами»⁴⁵.

При анализе историографии русского зарубежья необходимо учитывать юрисдикционную принадлежность авторов тех или иных трудов. Современный исследователь российского православного зарубежья А. В. Попов подчеркивает, что «чрезвычайная пестрота и обилие Православных Церквей в странах рассеяния создавали специфическую ситуацию среди историографических концепций эмигрантских историков церкви. Как правило, противоречия между историками лежали не в сфере научного, объективного исследования, а в сфере юрисдикционной принадлежности того или иного автора, отношения этой юрисдикции к Московской Патриархии и другим Православным Церквям»⁴⁶.

Это могло наложить свой отпечаток как на взгляды самого автора, так и на требования издательства. Например, парижское издательство YMCA-Press сделало около 40 исправлений в ныне широко известной книге М. А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга». По этому поводу М. А. Поповский писал: «Намучившись за годы своей литературной деятельности от советской цензуры, я был возмущен цензурными указаниями, прибывшими из Парижа»⁴⁷.

Негативный взгляд на государственно-церковные отношения в СССР военного и послевоенного периода приводил ряд зарубежных авторов к отрицанию вообще каких-либо позитивных перемен в Советском Союзе. «Бесспорным свидетельством слабости и ума, и совести является принятие антихристовой советской государственности людьми, живущими по эту сторону грани», — такую характеристику дал эмигрантам, симпатизирующим Советскому Союзу, известный историк, церковный и общественный деятель А. В. Карташев⁴⁸. Характеризуя взаимоотношения Русской православной церкви и Советского государства в послевоенные годы, он продолжал: «Этот кошмарный абсурд с бесчувственным непониманием воспринимается как что-то нормальное и терпимое иностранным церковным общественным мнением, экуменическими кругами, частью восточных иерархов и — что всего непростительнее — небольшой кучкой самих православных русских людей, живущих здесь, в благословенных странах человеческой и христианской свободы»⁴⁹.

О таких людях философ И. А. Ильин писал, что «мы можем быть уверены в том, что имеем дело с введенным в заблуждение иностранцем или же прямым агентом коммунистической державы»⁵⁰.

Протоиерей Димитрий Константинов вспоминал, что после выхода в годы Второй мировой войны его брошюры «Русская Православная Церковь в СССР» под псевдонимом Долинский с рассказом о гонениях на церковь в Советском Союзе, в США она была расценена как «вещественное доказательство» сотрудничества автора с фашистами. По словам Константинова, американцы были убеждены, что в СССР была полная свобода религиозной деятельности. «Очки были втерты “империалистам” со знанием дела, и они ничего не хотели слышать о “каких-то там выдуманных гонениях” на религию со стороны такого маститого демократа, каким, по их мнению, был незабвенный “товарищ Сталин”»⁵¹.

Рубеж 1980–1990-х гг. внес кардинальные изменения в историческую науку. Впервые в советской историографии было признано, что ранее о положении

дел в религиозной сфере давалась далеко не полная информация, «в искаженном виде раскрывались проблемы и государственно-церковных отношений»⁵². Необходимость пересмотра прежней историографической концепции, объективное изложение истории РПЦ советского периода рассматривались в качестве условия, призванного обеспечить новый этап государственно-церковного диалога.

Уникальный в своем роде период истории РПЦ, охватывающий 1943–1953 гг., быстро привлек внимание историков. В 1989 г. появились первые наиболее полные публикации содержания кремлевской беседы 4 сентября 1943 г. между И. В. Сталиным и митрополитами РПЦ. Публикации осуществили М. И. Одинцов и В. А. Алексеев в журналах «Наука и религия» (№ 2, 1989) и «Агитатор» (№ 6, 1989)⁵³.

Публикуя свой материал, М. И. Одинцов подчеркнул, что об обстоятельствах подготовки встречи 4 сентября, побудительных мотивах И. В. Сталина и его окружения известно мало⁵⁴. Одним из таких мотивов он назвал патриотическую деятельность церкви в годы войны. Свою роль, по мнению автора, могли сыграть и причины внешнеполитического характера — необходимость объединения всех сил, выступающих против фашизма. По мнению В. А. Алексеева, необходимость улучшения отношений с Русской православной церковью диктовалась приближающейся встречей лидеров антигитлеровской коалиции в Тегеране, с которой Сталин связывал надежды по открытию «второго фронта». Накануне конференции в Советский Союз прибыла делегация Англиканской церкви, которую, по мысли Сталина, должно было бы принять высшее руководство православной церкви во главе с Патриархом. «Это одно отвело бы многие обвинения СССР за крайне сложные взаимоотношения с церковью», — писал В. А. Алексеев⁵⁵.

Д. Е. Фурман объяснял изменение государственной политики в отношении церкви разрывом между ожиданиями населения, которые оно связывало с социализмом, и его реальностью. Видя это, Сталин нашел новые идеологические ориентиры в русском национализме и культе государственности: «В новой идеологической ситуации церковь становится символом преемственности сталинского режима и царской России... и дополнительным источником сталинской легитимации»⁵⁶.

Трезвым расчетом Сталина, в основе которого лежали факторы внутреннего (религиозное возрождение на временно оккупированных территориях Советского Союза) и внешнего (взаимоотношения с западными союзниками — США и Великобританией) характера, а не искренним желанием восстановить православную церковь в попраных правах объясняет поворот 1943 г. М. В. Шкаровский: «Для И. В. Сталина оказалось важным прежде всего создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить Церковь под жесткий контроль, встроить ее в систему режима своей власти»⁵⁷. Аналогичным образом считает О. Ю. Васильева: «...В инициированном им (Сталиным — А. Е.) возрождении Церкви был четкий политический расчет, расчет дальновидный и вполне оправдавшийся»⁵⁸.

В современной российской историографии, однако, имеют место и принципиально иные трактовки, самой необычной среди которых является, пожалуй, отсылка к религиозности самого Сталина. Упоминания о пробуждении в нем «страха Божия» под влиянием военных неудач неоднократно можно встретить в современной церковной литературе. Архиепископ Ташкентский и Средне-

азиатский Владимир писал о существовании множества преданий «о властных знаменях Божиих, заставивших Сталина в годы войны пойти на примирение с Церковью»⁵⁹.

Одним из наиболее распространенных таких преданий является рассказ о митрополите Гор Ливанских Илие (Караме), который трое суток молился в каменном подземелье без пищи и сна, прося Божью Матерь открыться ему, как спасти Россию. На третьи сутки в огненном столпе явилась Божья Матерь и объявила Илие «определение Божие для страны и народа российского». Для спасения России по всей стране должны были быть открыты храмы, монастыри, духовные академии и семинарии, священники выпущены из лагерей. Чудотворную икону Казанской Божией Матери необходимо было обнести крестным ходом вокруг Ленинграда, и город будет спасен. То же нужно сделать в Москве, Сталинграде, далее икона должна идти с войсками до границ России. Митрополит Илия сообщил это определение советскому правительству, после чего Сталин вызвал к себе митрополитов Сергия, Алексия и Николая и пообещал исполнить все, так как не видел никакой другой возможности спасти положение.

«20 000 храмов Русской Православной Церкви было открыто в то время. Вся Россия молилась тогда! Молился даже Сталин... Тогда же были открыты духовные семинарии, академии, возобновлена Троице-Сергиева Лавра, Киево-Печерская Лавра и многие монастыри... Наступило время возвращения веры на русской земле, как и предсказывали наши святые»⁶⁰.

О. Ю. Васильева же прямо называет утверждения о религиозности Сталина, возродившейся под влиянием митрополита Илии либо по каким-то иным причинам, «пагубным мифом»⁶¹. В первую очередь он наносит урон по исторической правде, игнорируя научные объяснения произошедшего. Однако беспокойство по поводу распространения подобной мифологии высказывают не только профессиональные историки. Нелепость этого мифа наносит вред и самой церкви, ее авторитету, позволяет усомниться в церковных верованиях, убедиться в их несостоятельности. «И тут уже то, что казалось замечательным проповедническим средством, — уверен профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев, — может обернуться орудием разрушения веры»⁶². Никаких архивных данных, подтверждающих версию о контактах Сталина и митрополита Илии не известно и не опубликовано, пишет Кураев, не известен даже первоисточник этой версии, как нет и рассказов самого митрополита Илии об этих событиях. «Циничный прагматизм сталинской церковной политики в конце войны и легкий переход к новым гонениям в 48 году говорят о том, — делает вывод Кураев, — что никакого мировоззренческого кризиса, обращения, возврата к вере у Сталина не было»⁶³.

Большинство современных историков выделяют 1948 г. как переломный в государственно-церковных отношениях последнего сталинского десятилетия. Одну из своих монографий О. Ю. Васильева специально посвятила политике Советского государства в отношении РПЦ в 1943–1948 гг.⁶⁴ По мнению историка, основным содержанием этого периода была попытка перенесения в Москву центра международного православия, создания здесь «православного Ватикана», который мог бы стать «духовно-нравственной опорой международной политики Кремля»⁶⁵. Неудача этой попытки связана с планировавшимся, но так и не состоявшимся Вселенским предсоборным совещанием. Тем не менее, в июле 1948 г. в Москве состоялось Совещание глав и представителей Поместных

православных церквей в рамках празднования 500-летия автокефалии Русской православной церкви. Это мероприятие, однако, не дало Сталину ожидаемых результатов. Как констатирует Васильева, «никто из присутствующих не обмолвился о Совещании как о Вселенском предсоборном, никто не заговорил о будущем Всеправославном Соборе в Москве»⁶⁶.

Все же говорить о полной неудаче планов расширения внешнеполитического влияния Москвы при помощи православной церкви нельзя. Как подчеркивает Т. В. Волокитина, в политическом плане Совещание «решило задачу-минимум: фактически был создан регионально-ограниченный восточноевропейский блок православных церквей под руководством РПЦ»⁶⁷. В этот блок входили православные церкви Албании, Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, т. е. стран, ставших на путь построения политической системы по советскому образцу.

Помимо международных факторов, М. В. Шкаровский связывает похолодание в отношениях между государством и церковью в 1948 г. с переключением внимания Сталина к новому витку внутривластной борьбы и уступками партийному аппарату, не одобрявшему долговременных изменений в отношении церкви, а также стремлением церкви к все большему расширению своих возможностей и отсутствием успехов в попытках превратить церковь в элемент тоталитарной системы⁶⁸. В этой связи небезынтересно замечание Л. А. Андреевой о том, что церковь является «идейным близнецом» коммунистов «по легализации тотальной власти», а в тоталитарном обществе возможно существование единственной тотальной идеологии⁶⁹.

Исследования процессов государственно-церковных отношений в регионах показывают, что на местах новый курс в отношении православной церкви был принят неоднозначно. «Как мы должны вести себя? Раньше нас учили тому, что религия — опиум для народа, а сейчас само правительство идет навстречу священнослужителям», — говорили рабочие одного из заводов Москвы⁷⁰. Представители местных органов власти не понимали необходимости послаблений в отношении церкви. Председатель Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпов писал в докладной записке Сталину, что «работники районных советских органов в отдельных случаях считают, что после окончания войны церковные вопросы должны разрешаться иначе, чем во время войны»⁷¹.

В практическом плане изменения в отношении православной церкви выразились в создании в июле 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, которое должно было вновь развернуть атеистическую пропаганду. А в сентябре 1948 г. под руководством М. А. Сулова был разработан проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». В сентябре 1950 г. Г. Г. Карпов докладывал Сталину о мероприятиях «по ограничению деятельности церкви и духовенства»⁷². Об изменении отношения власти к церкви говорил и тот факт, что до смерти Сталина не было получено ни одного официального разрешения на открытие храмов. Вместе с тем, по справедливому замечанию Д. В. Поспеловского, до конца жизни И. В. Сталина «никто не решался нарушить некий статус-кво, образовавшийся между Церковью и государством»⁷³.

Т. А. Чумаченко считает с 1950 г. отношения между правительством и Московским Патриархатом «во многом вошли в прежнее русло». Автор отмечает,

что в это время вновь утихла антирелигиозная пропаганда, увеличилось количество проводимых религиозных обрядов, на XIX съезде КПСС не были определены задачи антирелигиозной работы и, наконец, в ноябре 1952 г. Патриарх Алексий был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени (в связи с 75-летием)⁷⁴.

Малоизученными на данный момент остаются вопросы, связанные с функционированием Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров (Совете Министров) СССР. В какой-то степени этот пробел восполняется исследованиями Т. А. Чумаченко, в которых дается анализ деятельности Совета, раскрываются трудности формирования его структур, подбор кадрового состава, взаимоотношения между центральным и местным аппаратами, правовая основа деятельности Совета, его конкретная работа по проведению новой государственной политики в отношении церкви в жизнь⁷⁵. Совет по делам Русской православной церкви был создан постановлением правительства 14 сентября 1943 г. Еще 4 сентября, обсуждая на встрече с руководством РПЦ его создание, И. В. Сталин сказал, что Совет не должен стать возрождением института обер-прокурорства. В его функции входило осуществление связи между советским правительством и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам, которые требовали вмешательства правительства. По мнению Чумаченко, перед Советом стояла задача «именно строительства государственно-церковных отношений, а не разрушения»⁷⁶.

В оценке деятельности Совета и его председателя Г. Г. Карпова мнения исследователей расходятся. Одни полагают, что фактически Совет по делам РПЦ был только органом контроля над церковью, институтом «обер-прокуроров», «представлявших идеологию воинствующего безбожия»⁷⁷. Другие считают, что Совет сыграл свою положительную роль. «...На первых порах Совет по делам РПЦ больше помогал, чем контролировал — такова была сталинская установка», — считает С. Л. Фирсов⁷⁸. По справедливому замечанию Т. А. Чумаченко, для того, чтобы контролировать, «нужно обеспечить нормальную жизнедеятельность религиозных организаций, что невозможно было сделать усилиями одной церкви»⁷⁹. Автор отмечает, что Карпов, защищая интересы верующих, неоднократно вступал в конфликты с представителями местных властей, и Совет по делам РПЦ сыграл «значительную роль в деле защиты прав религиозных организаций, духовенства, верующих»⁸⁰. М. В. Шкаровский также отмечал, что Карпов «не слишком подходил на роль церковного гонителя»⁸¹. Характерным штрихом к портрету председателя Совета по делам РПЦ можно считать следующий факт. 10 августа 1948 г. распоряжением Правительства за подписью К. Е. Ворошилова было разрешено открытие 28 церквей. Но уже 28 октября это постановление было отменено с мотивировкой, что оно не было подписано И. В. Сталиным. Началось насильственное закрытие только что открытых храмов. После этого Г. Г. Карпов трижды посылал в Совет Министров представления о необходимости их открытия, но эти предложения даже не ставились на рассмотрение⁸². Когда в конце 1950-х гг. над Карповым стали сгущаться тучи, на закрытом собрании коммунистов Совета по делам РПЦ, вся прошлая деятельность Совета была подвергнута критике за примиренчество и пособничество церковникам, а сам Карпов, отсутствовавший на этом собрании, был назван одним из главных виновников прошлых «ошибок и извращений»⁸³. О. Ю. Васильева резонно под-

черкивает, что Карпов «остался один на один с новой политической действительностью, которая, используя лозунг “борьбы со Сталинизмом”, уничтожала и позитивные явления, к которым относились государственно-церковные отношения послевоенного десятилетия»⁸⁴.

Дискуссии вокруг сложившейся в 1943–1953 гг. модели государственно-церковных отношений в СССР, несомненно, будут продолжаться. Ныне можно с удовлетворением констатировать, что идеологические разногласия в этом вопросе не составляют больше существа исторических споров, уступив место спорам научным. Это создает благоприятную почву для появления новых исследований по истории Русской православной церкви в СССР. Помимо научно-теоретического, в необходимости появления таких трудов усматривается и важное прикладное значение. За годы, истекшие после распада СССР, положение и роль Русской православной церкви в жизни восточнославянского сообщества кардинально изменились, государственно-церковные отношения подверглись здесь глубокому реформированию. Формирование новых отношений невозможно без учета исторического опыта взаимодействия власти и церкви в советский период.

Примечания

- 1 Известия. 1943. 5 сентября.
- 2 *Васильева О. Ю.* Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 107.
- 3 *Васильева О. Ю.* «Церковный сталинизм»: легенды и факты // *Альфа и Омега.* 2003. № 4 (38). С. 204.
- 4 *Шкаровский М. В.* Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2000. С. 332.
- 5 *Одинцов М. И. И.* Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // *Диспут.* 1992. № 3. С. 145.
- 6 *Иноземцева З. П.* История Русской Православной Церкви XX века в документах архивов. По трудам игумена Дамаскина (Орловского) // *Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее.* М., 2005. С. 342.
- 7 *Васильев Л. С.* История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983. С. 4.
- 8 *Токарев С. И.* Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 23.
- 9 *Угринович Д. М.* Введение в теоретическое религиоведение. М., 1973. С. 8.
- 10 *Круглов А. А.* Основы научного атеизма. Мн., 1983. С. 11.
- 11 *Крывелев И. А.* История религий. М., 1988. Т. 1. С. 11.
- 12 Там же.
- 13 *Гордиенко С. Н., Курочкин П. К.* Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях социалистического государства // *Вопросы научного атеизма.* 1980. Вып. 25. С. 224–225.
- 14 Там же. С. 223.
- 15 *Барменков А. И.* Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 122; *Куроедов В. А.* Религия и церковь в советском государстве. М., 1982. С. 103; *Лисавцев Э. И.* Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971. С. 201; *Титов В. Е.* Православие. М., 1967. С. 117.
- 16 *Круглов А. А.* Указ. соч. С. 291.
- 17 *Сидоров Д. И.* Защита Родины и религия. М., 1963. С. 12; *Ладоренко В. Е.* К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви (1917–1945) // *Вопросы истории религии и атеизма.* 1964. Вып. XII. С. 121–122.
- 18 *Барменков А. И.* Указ. соч. С. 117; *Придувалов Ф. И.* Приспособленческие тенденции в идеологии современного православия в СССР // *Критика религиозной идеологии.* М., 1961. С. 13.
- 19 *Барменков А. И.* Указ. соч. С. 121.
- 20 *Сидоров Д. И.* Война и религия. М., 1961. С. 148.
- 21 *Барменков А. И.* Указ. соч. С. 118–121; *Ладоренко В. Е.* Указ. соч. С. 121–122; *Сидоров Д. И.* Защита Родины и религия. С. 90–93.

- 22 *Титов В. Е.* Указ. соч. С. 118.
- 23 *Курочкин П. К.* Эволюция современного русского православия. М., 1971. С. 137.
- 24 *Барменков А. И.* Указ. соч. С. 121–122.
- 25 *Курочкин П. К.* Указ. соч. С. 225.
- 26 *Ведерников А. В.* Духовное наследие Святейшего Патриарха Сергия. Русская православная церковь после кончины Патриарха Сергия // Патриарх Сергий и его духовное наследие. М., 1947. С. 308; *Васильев А.* Положение Русской Православной Церкви в СССР // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 1. С. 42; *Глухов Н. А.* Патриарх Сергий и его деятельность // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 3. С. 68–69.
- 27 *Заболоцкий Н.* Русская Православная Церковь в новых социальных условиях // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 7. С. 34.
- 28 *Шейнман М. М.* Дипломатия Ватикана после разгрома немецких войск под Сталинградом // Исторические записки. 1949. Вып. 30. С. 120.
- 29 *Ведерников А. В.* Указ. соч. С. 340.
- 30 *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор. М., 2004. С. 34.
- 31 *Ведерников А. В.* Указ. соч. С. 373.
- 32 *Троицкий Г.* Русская Православная Церковь в 1917–1967 гг. // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 11. С. 42.
- 33 *Добрынин М.* 50-летие епископского служения Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 6. С. 69.
- 34 *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1988. Т. 3. С. 66.
- 35 Там же. Т. 1. С. 184–185.
- 36 *Сергеева Н.* О религии и церкви в СССР (по страницам иностранной печати) // Война и рабочий класс. 1943. № 12. С. 18.
- 37 Цит. по: Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). М., 2003. С. 699–700.
- 38 Цит. по: *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 235.
- 39 Русская Православная Церковь в Северной Америке. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1954. С. 94.
- 40 *Григорий (Грabbе).* Русская Церковь перед лицом господствующего зла // Юбилейный сборник в память 1000-летия крещения Руси. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1988. С. 232–233.
- 41 *Польский М.* Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948. С. 72–73.
- 42 *Троицкий С. В.* О неправде Карловацкого раскола: Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей». Париж, 1960. С. 4.
- 43 Там же. С. 58.
- 44 Цит. по: *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: история и источники. М., 2005. С. 45.
- 45 *Григорий (Грabbе).* К истории русских церковных разделений: Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church Under the Soviet Regime: 1917–1982». Джорданвилль, 1992. [Электронный ресурс:] http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0225.htm
- 46 *Попов А. В.* Указ. соч. С. 11–12.
- 47 *Поповский М. А.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. М., 2001. С. 16.
- 48 *Карташев А. В.* Православие и Россия // Православие в жизни. Клин, 2002. С. 153.
- 49 Там же. С. 182.
- 50 *Ильин И. А.* Кризис безбожия. М., 2005. С. 476.
- 51 *Константинов Д. В.* Через туннель XX столетия. М., 1997. С. 327.
- 52 *Лецинский А. Н.* Время новых подходов. О советских государственно-церковных отношениях. М., 1990. С. 6.
- 53 *Одицов М.* Другого раза не было... // Наука и религия. 1989. № 2. С. 8–9; *Алексеев В.* Неожиданный диалог // Агитатор. 1989. № 6. С. 41–44.
- 54 Там же. С. 8.
- 55 *Алексеев В.* Указ. соч. С. 42.
- 56 *Фурман Д. Е.* Религия, атеизм, перестройка // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 12.
- 57 *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 200, 204–205, 216.
- 58 *Васьлева О. Ю.* «Церковный сталинизм»: легенды и факты // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 204.
- 59 *Владимир, архиепископ.* Слово, растворенное любовью: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II о современной России и ее Церкви. М., 2001. С. 57.

- 60 Швец В., протоиерей. О чудесах Казанской иконы Богоматери // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2006. С. 62–74.
- 61 Васильева О. Ю. «Церковный сталинизм». С. 204.
- 62 Кураев А., диакон. Война: чудо и сказки // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 197.
- 63 Там же. С. 196.
- 64 Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.
- 65 Там же. С. 106.
- 66 Там же. С. 180.
- 67 Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008. С. 103.
- 68 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 242.
- 69 Андреева Л. А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. С. 247.
- 70 Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 2000. С. 107.
- 71 «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 // Исторический архив. 1994. № 4. С. 104.
- 72 Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 673.
- 73 Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России, СССР. М., 1996. С. 318.
- 74 Чумаченко Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. // Религиоведение. 2002. № 1. С. 26.
- 75 Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. (1941–1961). М., 1999. 248 с.; Она же. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: внутренняя структура, функции, место в системе государственных органов. 1943–1965 // Историка размышляют. М., 2002. Вып. 3. С. 231–246.
- 76 Чумаченко Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. С. 17.
- 77 Шумилов Е. Ф. Контрцивилизационная программа Советской власти (К истории церкви-мученицы в XX веке) // Исторические чтения. Челябинск, 1996. С. 145.
- 78 Фирсов С. Л. Время в судьбе. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 2005. С. 213.
- 79 Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 16.
- 80 Там же. С. 16, 45.
- 81 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 371.
- 82 Там же. С. 242–243.
- 83 Там же. С. 366–367.
- 84 Васильева О. Ю. Русская Православная церковь и II Ватиканский Собор. С. 108.

А. П. Федоровых
Москва

Проблемы российско-украинских отношений в 1990-е гг. в отображении современной историографии

Распад СССР в 1991 г., завершив сравнительно длительный этап исторического развития, породил целый комплекс новых проблем политического, экономического, военного и гуманитарного характера. В новом политическом пространстве, образовавшемся после распада СССР, на первый план по своему значению и потенциалу вышел комплекс российско-украинских межгосударственных и межнациональных отношений. С самого начала эти отношения